

Пермский край
2022-2023 учебный год
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
10 КЛАСС

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предлагается выполнение аналитического и творческого заданий.

Время выполнения заданий – 270 минут (4 часа 30 минут).

Использование дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, средств мобильной связи) исключается.

Максимально возможный балл – **100**.

1. Аналитическое задание

Проведите анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного) — на выбор!

Максимальный балл за аналитическое задание – 70.

Комплексный анализ стихотворного текста

Определите, традиции какого поэта второй половины XIX века продолжает в своем стихотворении

Л. Мартынов. Обоснуйте и аргументируйте свою точку зрения.

Что-то

Новое в мире.

Человечеству хочется песен.

Люди мыслят о лютне, о лире.

Мир без песен

Неинтересен.

Ветер,

Ветви,

Весенняя сырость,

И черны, как истлевший папирус,

Прошлогодние травы.

Человечеству хочется песен.

Люди правы.

И иду я

По этому миру.

Я хочу отыскать эту лиру,

Или — как там зовется он ныне —

Инструмент для прикосновенья

Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.

Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугуны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:
«О, тронь же!»

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный,
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
«Это я! — говорит. — Это я ведь!»

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

1954

ИЛИ

Целостный анализ прозаического текста

В. Брюсов

«Бемоль»

Из жизни одной из малых сих

Как только Анна Николаевна кончила пансион, ей подыскали место продавщицы в писчебумажном магазине "Бемоль". Почему магазин назывался так, сказать трудно: вероятно, прежде в нем продавались и ноты. Помещался магазин где-то на проезде бульвара, покупателей было мало, и Анна Николаевна целые дни проводила почти одна. Ее единственный помощник, мальчик Федька, с утра, после чая, заваливался спать, просыпался, когда надо было бежать в кухмистерскую за обедом, и после засыпал опять. Вечером на полчаса являлась хозяйка, старая немка Каролина Густавовна, обирала выручку и попрекала Анну Николаевну, что она не умеет завлекать покупателей.

Анна Николаевна ее ужасно боялась и слушала, не смея произнести ни слова. Магазин запирали в девять; придя домой, к тетке, Анна Николаевна пила жидкий чай с черствыми баранками и тотчас ложилась спать.

Первое время Анна Николаевна думала развлекаться чтением. Она доставала, где только можно, романы и старые журналы и добросовестно прочитывала их страница за страницей. Но она путала имена героев в романах и не могла понять, зачем пишут о разных выдуманных Жаннах и Бланках и зачем описывают прекрасные утра, все одно на другое похожие. Чтение было для нее трудом, а не отдыхом, и она забросила книги. Уличные ухаживатели не очень надоедали Анне Николаевне, потому что не находили ее интересной. Если кто-нибудь из покупателей слишком долго говорил ей любезности, она уходила в каморку, бывшую при магазине, и высылала Федьку. Если с ней заговаривали, когда она шла домой, она, не отвечая ни слова, ускоряла шаги или просто бежала бегом до самого своего крыльца. Знакомых у нее не было, ни с кем из пансионных подруг она не переписывалась, с теткой не говорила и двух слов в сутки. Так проходили недели и месяцы.

Зато Анна Николаевна сдружилась с тем миром, который окружал ее, с миром бумаги, конвертов, открытых писем, карандашей, перьев, сводных, рельефных и вырезных картинок. Этот мир был ей понятнее, чем книги, и относился к ней дружественнее, чем люди. Она скоро узнала все сорта бумаги и перьев, все серии открытых писем, дала им названия, чтобы не называть номером, некоторые полюбила, другие считала своими врагами. Своим любимчикам она отвела лучшие места в магазине. Бумаге одной рижской фабрики, на которой были водяные знаки рыб, она отдала самую новую из коробок, края которой оклеила золотым бордюром. Сводные картинки, представлявшие типы древних египтян, убрала в особый ящик, куда, кроме них, клала только ручки с голубями на конце. Открытые письма, где изображался "путь к звезде", завернула отдельно в розовую бумагу и заклеила облаткой с незабудкой.

Напротив, она ненавидела толстые стеклянные, словно сытые, чернильницы, ненавидела полосатые транспаранты, которые всегда кривились, словно насмехались, и свертки гофрированной бумаги для абажуров, пышные и гордые. Эти вещи она прятала в самый дальний угол магазина.

Анна Николаевна радовалась, когда продавались любимые ею вещи. Только когда тот или другой сорт таких вещей подходил к концу, она начинала тревожиться и отваживалась даже просить Каролину Густавовну поскорее сделать новый запас. Однажды неожиданно распродалась партия маленьких весов для писем, которые шли плохо и которые Анна Николаевна полюбила за их обездоленность; последнюю штуку продала вечером сама хозяйка и не захотела выписывать их вновь. Анна Николаевна два дня после того проплакала. Когда же продавались вещи нелюбимые, Анна Николаевна сердилась. Когда брали целыми дюжинами отвратительные тетради с синими разводами на обертке или грубо отпечатанные открытые письма с портретами актеров, ей казалось, что ее любимцы оскорблены. Она в таких случаях так упорно отговаривала от покупки, что многие уходили из магазина, не купив ничего.

Анна Николаевна была убеждена, что все вещи в магазине ее понимают.

Когда она перелистывала дести любимой бумаги, ее листы шуршали так приветливо. Когда она целовала голубков на концах ручек, они трепетали своими деревянными крылышками. В тихие зимние дни, когда шел снег за заиндевшим окном с некрасивыми кругами от ламп, когда за целые часы никто не входил в магазин, она вела длинные беседы со всем, что стояло на полках, что лежало в ящиках и коробках. Она вслушивалась в безмолвную речь и обменивалась улыбками и взглядами

со знакомыми предметами. Таясь, она раскладывала на конторке свои любимые картинки - ангелов, цветы, египтян, рассказывала им сказки и слушала их рассказы. Иногда все вещи пели ей хором чуть слышную, убаюкивающую песню. Анна Николаевна заслушивалась ею до того, что входящие покупатели зло усмехались, думая, что разбудили сонливую приказчицу.

Перед рождеством Анна Николаевна переживала тяжелые дни. Покупатели являлись особенно часто. Магазин был завален грудой картонажей, ярких, режущих глаза, безобразными хлопучками и золотыми рыбами в наскоро склеенных коробках. На стенах развешивались отрывные календари с портретами великих людей. Былолюдно и неприятно. Но за лето Анна Николаевна отдыхала вполне.

Торговля почти прекращалась, нередко день проходил без копейки выручки.

Хозяйка уезжала из Москвы на целые месяцы. В магазине было пыльно и душно, но тихо. Анна Николаевна размещала повсюду свои любимые картинки, выставляла в витринах на первое место свои любимые карандаши, ручки и резинки. Из цветной папиросной бумаги она вырезывала тонкие ленты и обвивала ими стертые колонки шкапов. Она громким шепотом разговаривала со своими любимцами, рассказывала им про свое детство, про свою мать и плакала. И они, казалось ей, утешали ее. Так проходили месяцы и годы.

Анна Николаевна и не думала, что в ее жизни может что-нибудь измениться. Но однажды осенью, вернувшись в Москву особенно злой и сварливой, Каролина Густавовна объявила, что будет общий счет товара. В ближайшее воскресенье на дверь приклеили билетик с надписью, что "сегодня магазин закрыт". Анна Николаевна с тоской смотрела, как хозяйка жирными пальцами пересчитывала ее избранные декалькомани, такие тонкие и изящные, загибая края, как она небрежно швыряла на прилавок заветные ручки с голубками. В товарной книге, исписанной осторожным и бледным почерком Анны Николаевны, хозяйка делала грубые отметки с росчерками и чернильными брызгами. Каролина Густавовна недосчиталась что-то многого: целых стоп бумаги, несколько grossов карандашей и разных отдельных вещей-стереоскопов, увеличительных стекол, рамок. Анна Николаевна была убеждена, что никогда и не видала их в магазине. Потом Каролина Густавовна высчитала, что выручка с каждым месяцем все уменьшается. Это она поставила на вид Анне Николаевне с бранью, назвала ее воровкой и сказала, что более не нуждается в ее службе, что отказывает ей от места.

Анна Николаевна ушла в слезах, не посмев возразить ни слова. Дома ей пришлось, конечно, выслушать брань и от тетки, которая то называла ее дармоедкой, то грозила, что подаст в суд на немку и не позволит оскорблять свою племянницу. Но Анну Николаевну не столько пугало, что она без места, и не столько мучила несправедливость Каролины Густавовны, сколько была невыносима разлука с любимыми вещами из магазина. Анна Николаевна думала о рельефных ангелочках, качающихся на облаках, о головках Марии Стюарт, о бумаге со знаками рыб, о знакомых коробках и ящиках и рыдала без устали. Ей вспоминался предвечерний час, когда уже зажгли лампы, вспоминались ее безмолвные беседы с друзьями, чуть слышный хор, звучащий с полок, и сердце надрывалось от отчаянья. При мысли, что ей больше никогда, никогда не придется свидеться со своими любимцами, она бросалась ничком на свою маленькую кровать и молила у бога смерти.

Месяца через полтора тетке посчастливилось найти Анне Николаевне новое место, тоже в писчебумажном магазине, нона бойкой, людной улице. Анна Николаевна отправилась на свою новую должность со щемящей тоской. Кроме нее, там служила еще одна барышня и молодой человек. Хозяин тоже большую часть дня проводил в магазине. Покупателей было много, так как поблизости

было несколько учебных заведений. Весь день приходилось быть на глазах других, подсмеивавшихся над Анной Николаевной и презиравших ее. Своих прежних любимцев она не нашла здесь. Все выписывалось через другие конторы от других фабрикантов. Бумага, карандаши, перья-все казалось здесь не живым. А если и было несколько таких же вещей, как в "Бемоли", то они не узнавали Анны Николаевны, и она напрасно, улучив минуту, им шептала их самые нежные имена.

Единственной радостью для Анны Николаевны стало подходить вечером, на пути домой, к окнам своего прежнего магазина, запиравшегося позже. Она всматривалась сквозь запыленные стекла в знакомую комнату. За прилавком стояла новая продавщица, смазливая немочка с буклями на лбу. Вместо Федьки был рослый парень лет пятнадцати. Покупатели выходили из магазина, смеясь: им было весело. Но Анна Николаевна верила, что ее знакомые картинки, ручки и тетрадки помнят ее и любят по-прежнему, и эта вера ее утешала.

Долго Анна Николаевна мечтала о том, чтобы войти еще раз внутрь магазина, посмотреть опять на старые шкафы и витрины, показать своим любимцам, что и она помнит их. Несколько раз она давала себе слово, что сделает это сегодня, и все не решалась, особенно боясь встретиться с хозяйкой. Но однажды вечером она увидела, что Каролина Густавовна вышла из магазина, взяла извозчика и уехала. Это придало Анне Николаевне смелости.

Она отворила дверь и вошла с замиранием сердца. Немочка, с буклями на лбу, приготовила было очаровательную улыбку, но, рассмотрев покупательницу, удовольствовалась легким наклоном головы.

- Что вам угодно, мадемуазель?

- Дайте мне... дайте писчей бумаги... десть... с рыбами.

Немочка снисходительно улыбнулась, догадалась, что у нее спрашивают, и пошла к шкалу налево. Анна Николаевна с недоумением и тоской последовала за ней глазами. Прежде эта бумага хранилась в коробке с золотым бордюром. Но прежних коробок уже не было; вместо них были безобразные черные ящики с надписями: "4-й 20 к.", "Министерская 40 к.". В шкалах на первое место были выставлены стеклянные чернильницы. Груда гофреной бумаги занимала всю нижнюю полку. Открытые письма с портретами актеров были в виде веера прибиты там и сям к стенам. Все было передвинуто, перемещено, изменено.

Немочка положила перед Анной Николаевной бумагу, спрашивая, та ли это.

Анна Николаевна с жадностью взяла в руки красивые листы, которые когда-то умели отвечать на ее ласки; но теперь они были жестки, как мертвецы, и также бледны. Она тоскливо оглянулась кругом: все было мертво, все было глухо и немо.

- С вас тридцать пять копеек, мадемуазель.

Даже цена была изменена! Анна Николаевна заплатила деньги и вышла на холод, сжимая в руках свернутую трубочкой бумагу. Октябрьский ветер пронизывал ее сквозь короткое обносившееся пальто. Свет фонарей расплывался большими пятнами в тумане. Было холодно и безнадежно.

2. Творческое задание

Дайте развернутый историко-литературный комментарий к стихотворению А. Полежаева «Гимн смерти», посвященному А.С. Пушкину. Подробно прокомментируйте подчеркнутые слова и словосочетания в предложенном стихотворении.

За каждый верный ответ – 3 балла. Максимально возможный балл за творческое задание – 30.

Гимн смерти

Тогда, как дух бесплотный, величавый,

Он будет жить бессумрачную славой;

Увидит яркий, светлый день,

И пробежит неугасимым оком

Мильон миров в покое их глубоком

Его торжественная тень!

И окружит ее над облаками

Теней, давно прославленных веками,

Необозримый легион:

Петрарка, Тасс, Шенье — добыча казни...

И руку ей с улыбкою приязни

Подаст задумчивый Байрон.

И между тем, когда в России изумленной

Оплакали тебя и старец и младой

И совершили долг последний и священный,

Предав тебя земле холодной и немой,

И, бледная, в слезах, в печали безотрадной,

Поэзия грустит над урной твоей,—

Неведомый певец, но юный, славы жадный,

О Пушкин, преклонил колено перед ней!

Душистые венки великие поэты

Готовят для нее, второй Анакреон,

Но верю я — и мой в волнах суровой Леты

С рождением его не будет поглощен:

На пепле золотом угаснувшей кометы

Несмелою рукой он с чувством положён!